

*К 200-летию со дня рождения Н.В. Станкевича***К ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ
РУССКОГО ЕВРОПЕИЗМА****О.А. ЖУКОВА***Вместо предисловия**

Николай Владимирович Станкевич вошел в историю русской культуры как поэт, философ, создатель известного литературно-философского кружка. «Кружок Станкевича», понятие, которое приобрело устойчивое историко-культурное значение. Отдавая дань памяти и уважения выдающемуся русскому интеллектуалу, группа ученых Института философии РАН под руководством заведующего отделом социальной и политической философии А.А. Кара-Мурзы и заместителя директора ИФРАН С.А. Никольского провела ряд всероссийских и международных научных и мемориальных мероприятий. Они проходили в Москве, Белгороде, Генуе и Нови-Лигуре – итальянском городе в сорока километрах от Генуи, где скончался двадцатилетний Николай Станкевич. Подобная культурно-мемориальная и исследовательская программа в отечественной традиции изучения жизни и творчества Н.В. Станкевича была осуществлена впервые. В качестве участника данной программы автор статьи выступила с основным докладом «Философия культуры Н.В. Станкевича» в Русском Доме в Генуе. Настоящая работа продолжает линию рассуждений, представленных в докладе, и посвящена выявлению интеллектуальных предпосылок русского западничества, у истоков которого находится кружок Станкевича.

Рождение философии из духа личности

Николая Владимировича Станкевича в истории русской мысли помнят и почитают как вдохновителя, идейного и нравственного лидера созданного им кружка – как человека, возле которого собралась думающая молодежь России, творчески настроенная, чуткая к искусству, устремленная к философскому поиску истины, красоты, стремящаяся к постижению смысла истории. Кружок Станкевича – крупное, самостоятельное и весьма характерное явление общественной мысли России, чья историко-философская роль определяется, прежде всего, началом западничества – умственного движения, которое получило в русской истории творческое и политическое

---

* Данная статья подготовлена при финансовой поддержке факультета философии Научно-исследовательского университета «Высшая школа экономики» в 2013 г.

выражение, оформившись в самостоятельное интеллектуальное направление *русского европеизма*.

Местоположение Станкевича в истории русской общественной мысли — совершенно особенное. Молодой человек, в юном возрасте проявивший склонность к сочинительству, получивший образование в воронежском «Благородном пансионе», затем на словесном факультете Московского университета, ставший центром и душой интеллектуального общения неравнодушной к философским проблемам бытия и познания молодежи, продолжает обучение в Германии. Увлекается Шиллером, Шеллингом, Гегелем, читает Фихте и Канта, приобщает друзей к достижениям немецкой философии, выступая в качестве наставника своих почти ровесников, и умирает от туберкулеза, находясь на лечении в Италии, не достигнув тридцатилетнего возраста, оставляя после себя некоторые философические рассуждения и обширную переписку. И начинается жизнь после жизни — каждый из его соратников и друзей в той или иной мере несет на себе «печать» образа Станкевича, развивает сложную драматургию обсуждавшихся идей, насущных жизненных, исторических и социальных вопросов, воплощает их на практике, иногда радикально видоизменяя первоначальные представления и смыслы. Позволим себе привести следующее сравнение: в истории русской философии «ненаписанное» наследие Станкевича, артикулированное не текстом, не абстрактной мыслью, а философией жизни, опытом, способом проживания в культуре, во многом сродни «антропологическому перевороту», совершенному Сократом в истории античной мысли. Афинский мудрец, как известно, не записал ни одной речи, ни одного текста, но приобрел бессмертие через последователей, остался памятен человечеству своим учением и проживанием истины, подобающей философу, задав новый вектор развития всей античной цивилизации, наследницами которой является и европейская, и русская культура.

Пример Сократа — это пример того, как философия может рождаться *из духа личности и им конституироваться*. Прибегнем к ассоциативному ряду. Гениальная формула Ф. Ницше, давшая название знаменитой работе «Рождение трагедии из духа музыки», знаменует переход европейской художественной и философской культуры в ее позднеромантической стадии в область культурфилософской саморефлексии, которая оформляется в самостоятельное, исключительно плодотворное направление — «философию жизни». Однако в формуле Ницше отражена не только логика происхождения древнегреческой трагедии из оргиастически переживаемой «омызыкаленной» трагедийности бытия, но и *логика рождения самой философии жизни* в лоне культа «старых богов» немецкой философии, которая уступает место новому богу немецкого романтизма — музыкальному мифологу Рихарду Вагнеру под влиянием его духа.

Метафорический концепт Ницше при переносе на русскую культурную почву придает дополнительные смысловые оттенки интеллектуальному образу Николая Станкевича и указывает, конечно, на романтическую линию его судьбы – судьбы поэта и философа, трагически оборванную ранней смертью. Однако прочитывается и иное сходство – сходство логики рождения концептуально оформленной теоретической мысли – русской философии (у Ницше – жанрово оформленной трагедии) из глубинной, первичной реальности – из духовно-культурного опыта такой яркой личности, как Станкевич (у Ницше – из духа музыки, которую следует понимать онтологически). Другими словами, русская философия и русская философия культуры, в частности, как интеллектуальная практика рождается из космоса личности романтически настроенного интеллектуала-аристократа, увлеченного Шеллингом и Гегелем, подобно тому как трагедия рождается из космоса музыки.

Эта философия настолько же художественна, насколько философична древнегреческая трагедия. Действительно, можно утверждать, что философский опыт Станкевича выстраивается в эстетико-художественном горизонте, прежде всего Шиллера. Характеризуя период 30 – 40-х годов XIX в. в истории русской мысли, В.В. Зеньковский справедливо замечает, что «Шеллинг и Гегель оба вдохновляют русскую мысль в рамках *шиллеруанства* (как и сами в начале вдохновлялись Шиллером)»¹. Станкевич был восприимчивым духом своей эпохи, ее носителем, выразителем и талантливым автором. Как пишет Зеньковский, «это была атмосфера *философской культуры*; в широких кругах русского общества интересовались и жили философскими вопросами. Об этом много пишет Герцен в своих мемуарах “Былое и думы”, – подтверждает свой тезис исследователь, – об этом много рассказывает Тургенев (например, в “Рудине” или “Гамлете Щигровского уезда”). Очень интересно с этой точки зрения, – продолжает Зеньковский, – погрузиться в изучение семьи Бакуниных, с которыми были связаны столь многие выдающиеся люди этого периода»².

В приведенном отрывке Зеньковский не только называет свидетелей жизни Станкевича, но и подмечает существенную деталь: выдающиеся современники Станкевича всерьез заняты воспоминаниями о весьма близких им по времени событиях, с упорным постоянством возвращаясь ко «временам Станкевича», как будто бы от правильного понимания этого исторического момента в жизни русского образованного общества зависит все дальнейшее развитие их собственной биографии, а вместе с тем и судьбы реальных людей и героев, которых они делают предметом своего художественного изображения и мемуарного творчества. Воспоминания о Станкевиче – мотив, звучащий рефреном для многих русских интеллектуалов, в том числе родившихся и многим позже после николаевской эпохи.

Одно из таких воспоминаний, прозвучавших в период зрелости русской философской мысли, в начале XX в., чрезвычайно показательно и симптоматично, хотя и не принадлежит автору воспоминаний, чью идентичность можно было бы охарактеризовать как однозначно либерально-западническую. Его автор, В.В. Розанов, в статье «Женский университет в Москве», опубликованной в «Новом времени» от 16 апреля 1906 г. и послужившей откликом на телеграфное сообщение, переданное из Москвы в Петербург 14 апреля, где говорилось о проекте женского университета в Москве, рассуждает о роли образования в жизни российского общества. Розанову важна одна мысль, которую он погружает в исторический контекст. Он хочет подчеркнуть просветительскую миссию образованных женщин. «Стране нужны не одни Ломоносовы: стране более, чем Ломоносов, нужно просто образованное общество, читающая и размышляющая масса, деятельные и знающие члены; наконец, стране в высшей степени нужны мягкие нравы, деликатные привычки, человеческие взгляды по всем направлениям и во всех областях»³. Подчеркивая в женской природе такие качества, как трудолюбие и устойчивость, признавая за женщинами популяризаторский талант, Розанов в деле русского образования указывает именно на значение просвещения. В доказательство своей мысли обращается к памятному для всех русских интеллектуалов образу Н.В. Станкевича: «Иной незаметный образованный человек, без печатных трудов и ученых заслуг, распространяет такой образовательный свет вокруг себя, какому хоть позавидовать и Ломоносову. Вспомним Станкевича... — выдерживает мемориальную паузу Розанов. — Вот пример в мужчине чисто “женственного” влияния»⁴. Под «женственным влиянием» Розанов, конечно, подразумевает великий просветительский вклад Станкевича в дело русской образованности — то влияние, под воздействием которого формировалась целая плеяда русских мыслителей и общественных деятелей России 40-х — 60-х гг. XIX в.

Европеизм Станкевича в культурно-философском контексте

Сравнение Станкевича с Ломоносовым не случайно. Научно-образовательная модель университета, созданная умом и волею «русского Леонарда», институализировала систему классического образования в России и дала мощный импульс социальному и культурному развитию державе-гиганту, которая догоняла и, одновременно, соперничала с европейскими странами — во многом оставшимися донорами знаний и технологий для России. Со времен Петра Велико-го новая европейская империя пыталась встать вровень со странами, реализующими в своем общественно-культурном и политико-экономическом устройстве ценности модерна — светский характер

культуры, систему общественного договора, правовую конструкцию государства, защиту прав частной собственности, индивидуальную экономическую инициативу «третьего сословия».

Ломоносовский университет вписывался в культурную парадигму европейского Просвещения, которое дало философское обоснование политико-правовым, научным, социально-экономическим практикам модерна. Станкевич результаты Просвещения воспринял как в русской, так и европейской версии, пройдя через университетскую систему образования в России, слушая лекции в Берлине. Его уникальная роль в культуре определяется, говоря философским языком, *диалектикой общего и особенного*. С одной стороны, общей атмосферой среды, преимущественно дворянско-аристократической, продуцировавшей запрос на творческую личность, способную поддерживать салонное и приватное общение на достаточно высоком интеллектуальном уровне, демонстрировать широкий кругозор знаний по литературе, искусству, музыке, философии, ориентироваться и критически оценивать текущие художественные события. С другой стороны, феномен «кружка Станкевича» определяется силой дарования и особым, душевным складом личности самого Станкевича, талантом общения и дружбы, деликатного наставничества при абсолютной установке взаимоуважения — бескорыстной заинтересованности в *даре другого*. Этот дар Станкевич всегда рад был находить, выявлять и способствовать развитию, демонстрируя незаурядный педагогический такт, даже в том случае, когда необходимо было покровительствовать претенденту, как с сыном воронежского прасола — будущим поэтом Алексеем Кольцовым.

Европейский вектор в интеллектуальном развитии Станкевича и его друзей просматривается отчетливо. Но Европу Станкевич воспринимает, скорее, как культурный образец и источник актуального знания, в первую очередь, знания философского, в котором сконцентрированы усилия по «производству» новых смыслов лучших европейских умов. *Европеизм Станкевича — это культурный, интеллектуально-творческий запрос на смыслы, выраженные искусством, литературой, философией, исторической наукой*. Эти смыслы нужно постичь, интериоризировать и, осуществив творческий синтез, применить к русской жизни. Станкевич не одинок в своем поиске. Его друг Грановский, будущий профессор всеобщей истории, здесь же, в Берлине, изучающий последние достижения гуманитарной мысли, разработает позже методологию исторического исследования, в центре которой поставит вопрос о личности в истории, внутренней взаимообусловленности идей, творческих практик и больших социальных процессов. Переадресуем Станкевичу то, что было сказано Грановским в адрес Аристотеля, который, по словам Грановского, «был только представителем того умственного движения, кото-

рое началось гораздо прежде его и продолжалось еще долго по его смерти. Следовательно, он может быть изучаем только в связи с тем целым, к которому принадлежит. Как отдельное явление он почти непонятен»⁵.

Так можем ли мы сегодня обойтись без анализа идейно-творческого наследия Станкевича в истории русской мысли, без понимания того, что он был не только представителем, но лидером европейского направления в философии? Думается, нет, подобно тому, как современный философ, историк, политик не может обойтись без сочинений Стагирита, «когда дело идет о главных вопросах философии, политической жизни древних или искусства»⁶.

Проводя историческую параллель, мы можем утверждать, что Станкевич важен нам как представитель общественного движения, показавшего творческое возрастание интеллектуальных сил России на ее пути к самой себе, к пониманию своей цивилизационной идентичности, к русскому европеизму. Станкевич принадлежал к поколению людей, которые подготавливали будущее России распространением мысли и просвещения. И эта работа шла по линии литературной, философской, ученой и педагогической деятельности.

Согласно принципу исторического познания, предложенному Грановским, вероятно, самым благодарным учеником и другом Станкевича, обладавшим подобно Станкевичу благородной умноостью души, «при изучении каждого великого человека мы должны обратить внимание на *личность* его, на *почву*, на которой он вырос, на *время*, в которое он действовал. Из этого тройного элемента складается его жизнь и деятельность»⁷.

Личностно-психологические характеристики Станкевича сделали его не только душой общества, но и источником вдохновения даровитых молодых людей. Что же так могло привлекать в Станкевиче? Видимо, природная мягкость, умная тактичность эстетизировала дружеское общение, стилистически придавая заметный романтический оттенок всему происходящему. Умея привлечь людей особым расположением, Станкевич, по словам И.С. Тургенева, внушал к себе «уважение, граничащее с благоговением»⁸. Тургеневу вторит В.Г. Белинский: Станкевич «никогда и ни на кого не налагал авторитета, а всегда и для всех был авторитетом потому, что все добровольно и невольно сознавали превосходство его натуры над собою»⁹.

Через профессора Московского университета Павлова Станкевич стал шеллингианцем, но воспринял идеи Шеллинга сквозь призму сочинений Шиллера. В общей атмосфере увлечения немецкой художественной и интеллектуальной культурой это шиллерянство в жизни помогло собрать вокруг себя людей, привлечь на сторону своих убеждений тех, кто находился в поиске идеала красоты. Как подчеркнет В.В. Зеньковский, «Станкевич, конечно, во всю свою недолгую

жизнь был романтиком, хотя в нем с чрезвычайной силой стала развиваться позже строгая мысль»¹⁰. Был ли при этом Станкевич лично-стью волевой, целеустремленной, были ли ему близки патриотические чувства, каково было его отношение к религии? Об этом говорит, в первую очередь переписка — самая обширная и значительная по содержанию часть его наследия.

Отпуская сына за границу, родители не переставали беспокоиться не только о его физическом здоровье, но и о том, какое направление принимает его образ мыслей, боясь, видимо, что европейская жизнь может оторвать молодого человека от родной почвы, увлечь модными учениями, поколебать в основах веры. В ответ на родительские вопросы Станкевич счел необходимым сформулировать нравственно-философскую позицию, осветив главные вопросы русской современности — отношение к родине, проблему веры и неверия, сторонних умственных влияний. Своего рода жизненное кредо он выразил в письме от 27/15 января 1838 г., из Берлина. «На счет моего образа мыслей, прошу вас быть вполне покойным, — хоть бы я даже был и не в Берлине. Та религия и та любовь к отечеству, которые могут подвергнуться какой-нибудь опасности от обстоятельства, не стоят ни гроша, и, рано или поздно, должны испытать перелом. Моя религия, напротив, тверда, потому что я получил ее не от девки Параньки, потому что не боялся об ней думать и не боялся знать, что говорено было против нее: она во мне чиста, чужда суеверия и непоколебима. В наше время всякий человек с порядочным образованием и с душою признает ее за основу жизни. — Решительно заявляет Станкевич. — Любовь к отечеству также тверда во мне, — продолжает он, — потому что я люблю в нем хорошее, не считаю нужным восхищаться соложенным тестом, и терпеливо смотрю на недостатки, которые должны изгладиться временем и образованием. — Демагоги всего менее могут сбить меня с толку: я уважаю человеческую свободу, но знаю хорошо, в чем она состоит, и знаю, что первое условие для свободы есть законная власть. В Германии, — развивает свой тезис Станкевич, — при общем стремлении к свободе мысли законная власть уважается больше, нежели где-нибудь, это следствие ее основательного образования. — Вот вам искренняя исповедь в моих правилах, которых ничто не переменит. Есть чувства, которые нельзя сохранить укупоркою — как не засмаливай, воздух пройдет и они испортятся — но если они основаны на прочном убеждении, нечего бояться постороннего влияния. Чтобы быть твердым в своих правилах надобно убедиться в нелепости противных. К этому случай есть везде: шаткому человеку в России также точно опасно жить, как и за границей, — заключает Станкевич. — Я счел за нужное распространиться об этом, чтоб успокоить Вас, однажды навсегда на счет независимости моих мнений»¹¹.

Стараясь еще раз подчеркнуть основную мысль, он в письме от 14/2 февраля добавляет: «...я человек с родиной и с родными, а не пролетный дупель»¹².

Дар общения, прирожденная мягкость и интеллигентность не исключала постоянной умственной и душевно-нравственной работы, что он и демонстрирует в своей переписке. При романтическом облике и врожденном артистизме, даже с некоторыми чертами эстетического дендизма, Станкевич был здравомыслящим, патриотически настроенным человеком с ясно выраженными твердыми убеждениями. Мужественность его особенно проявилась в течение болезни. До последнего дня в письмах родителям, особенно из Италии, он старается не подавать и намека на исключительную серьезность положения со здоровьем. Наоборот, не желая расстраивать родных, пишет о том, что ему становится лучше.

Пожалуй, одно из самых сильных свидетельств о личности Станкевича — это отношение к нему друзей — тот след, который он оставил в их сердцах и душах, во многом определив направление профессионального пути, задав интеллектуальный и этический образец жизни целого поколения. О нравственном облике кружка Станкевича вспоминает К.С. Аксаков: «Кружок этот был трезвый и по образу жизни, не любил ни вина, ни пирушек»¹³. По поводу того, как проводила время молодежь, собравшаяся вокруг Станкевича, старший из братьев Аксаковых, лидер славянофилов, сообщает ниже: «На вечерах Станкевича выпивалось страшное количество чая и съедалось страшное количество хлеба»¹⁴. Именно Станкевичу, по мнению Аксакова, удавалось гармонизировать полярность мнений и охранять общие суждения от крайних, радикальных направлений в их развитии: «Стройное существо его духа удерживало его друзей от того легкого рабского отрицания, к которому человек так охотно бежит от свободы, и когда Станкевич уехал за границу, — быстро развилась в друзьях его вся ложь односторонности»¹⁵.

Кружок Станкевича как историко-философское явление

Действительно, если мы посмотрим на выдающиеся имена участников кружка, которыми окружен Станкевич, мы увидим эту разницу потенциалов, которая могла быть сдерживаема только очень сильным центром — авторитетом Станкевича. Ментально наиболее близкий к Станкевичу — Тимофей Николаевич Грановский (1813 — 1855), выдающийся русский историк, европеист, профессор Московского Императорского университета, по смерти Станкевича так и не смог оправиться от этой потери, считая, что со Станкевичем отошла не только лучшая часть его жизни, но и его самого. Эту внутреннюю, душевно-братскую, почти религиозную по своей глубине и чистоте, связь Грановского со Станкевичем отметит И.С. Тургенев в своем

знаменитом некрологе на кончину Грановского. По его словам, Станкевич имел величайшее влияние на Грановского, и часть его духа «перешла на него».

Пожалуй, именно Грановский наиболее полно выразил в развитии комплекс идей и ту логику европеизации русского общества, как цель, провозглашенную Станкевичем, которую следует понимать как процесс просвещения и воспитания нации, универсализации знаний и продвижения по пути личностной свободы, которая открывается только человеку, укорененному в культуре. К этому образовательно-просветительскому направлению развития идей кружка Станкевича принадлежит и творчество Василия Петровича Боткина (1810 – 1869) – писателя, критика, автора статей об итальянской и немецкой музыке, литературе, живописи, и Януария Михайловича Неверова (1810 – 1893) – писателя, педагога, начальника Кавказского учебного округа (1864 – 1879), ставшего также членом совета министра народного просвещения.

Социально-философская проекция интеллектуального наследия Станкевича прослеживается в творчестве Виссариона Григорьевича Белинского (1811 – 1848), русского мыслителя, писателя, литературного критика, публициста. Показательно, что крайности историософских взглядов, которые находили гармоническое разрешение в присутствии Станкевича, разошлись. Примером чего служат интеллектуально-жизненные стратегии трех выдающихся интеллектуалов, обозначивших линии раскола в политическом и культурном самосознании русского общества. Это имена Михаила Александровича Бакунина (1814 – 1876), ставшего революционером-идеологом социализма и анархизма, Константина Сергеевича Аксакова (1817 – 1860), историка и публициста, одного из основателей славянофильства, Михаила Никифоровича Каткова (1818 – 1887), публициста, общественного деятеля, редактора журнала «Русский вестник» и газеты «Московские ведомости», который в 1855 – 1861 гг. придерживался либеральных взглядов, а затем на страницах своих изданий, выступил как яркий сторонник государственного традиционализма консервативно-реакционного толка.

Вторым условием для полноценного исторического анализа, по методологии Грановского, является почва. Интеллектуальной почвой для поколения Станкевича были гегельянские кружки. Они развивались, по определению исследователя русской философии В.В. Зеньковского, в рамках внецерковного эстетического гуманизма. Это направление в 30 – 40-е гг. XIX в. «приобретает новую творческую силу, обнаруживает бесспорную живучесть, как основной принцип русского секуляризма»¹⁶. Как отмечает Зеньковский, «у многих представителей этого течения мы встречаем подлинную и глубокую личную религиозность, которая кое у кого сохраняется на

всю жизнь, — но это не мешает им вдохновляться началами автономизма, развивать свои построения в духе секуляризма. В этом смысле не случайно, что почти все защитники секуляризма оказываются в то же время “западниками”, — т.е. открыто и прямо примыкают к западной секулярной культуре и стремятся связать пути русской мысли с проблемами Запада»¹⁷.

Зеньковский указывает также на другую характерную черту этого направления, связывая ее с социально-политическим радикализмом, «в котором по-новому воскресает и своеобразно углубляется “теургическое беспокойство” — чувство ответственности за историю и искание путей к активному вмешательству в ход истории»¹⁸. По мнению о. Василия Зеньковского, православного богослова и историка русской мысли, отмеченные черты «образуют идеологию русской внецерковно мыслящей интеллигенции, замыкающейся, по верному выражению одного писателя, в своеобразный “орден” — с прочной традицией в путях мышления, с своеобразной психологией секты — фанатической и нетерпимой»¹⁹. С таким выводом Зеньковского можно согласиться лишь отчасти. Если Белинский или Бакунин действительно по своим личностным характеристикам могут соответствовать социально-психологическим чертам сектантского поведения, то яркий представитель этого течения Станкевич, чьи воззрения Зеньковский пытается реконструировать под определение «философского ордена» с психологией «нетерпимых фанатиков», никак не подходит.

Тезис о том, что русский секуляризм рос на почве европейского гуманизма и просвещения, кажется бесспорным. Но здесь требуется объективная оценка социокультурных результатов русской секуляризации по европейскому образцу — этой линии просвещенного русского европеизма, ярким представителем которого был Станкевич. Очевидно, что в социальной истории России европеизм в своих научных, образовательных, художественных и интеллектуально-философских формах оказался исключительно значимым и плодотворным, став культурной почвой и предпосылкой модернизации российской политической системы. Это право философской критики своей собственной исторической и культурной традиции русское общество приобрело долго и трудно. Процесс трансформации политической системы и социального порядка был чрезвычайно драматичным. Период умственного взросления Станкевича пришелся на николаевскую эпоху, самое яркое свидетельство о которой, вероятно, принадлежит Александру Ивановичу Герцену (1812 — 1870), мыслителю, публицисту, издателю «Колокола».

В главе XXV «Былого и дум», лучшей мемуарной философской прозы XIX в., Герцен вспоминает эпоху кружков как время идейного самоопределения русской молодежи, указывая на причины появления этого сущностного для русской жизни социально-культурного фено-

мена. По словам Герцена, это был ответ на неправду сложившегося общественного порядка в России, на то разложение, которое затронуло аристократический класс и правящие верхи:

«Самое появление кружков, о которых идет речь, было естественным ответом на глубокую внутреннюю потребность тогдашней русской жизни.

О застое после перелома в 1825 г. мы говорили много раз. Нравственный уровень общества пал, развитие было перервано, все передовое, энергическое вычеркнуто из жизни. Остальные — испуганные, слабые, потерянные — были мелки, пусты; дрянь александровского поколения заняла первое место; они мало-помалу превратились в подбострастных дельцов, утратили дикую поэзию кутежей и барства и всякую тень самобытного достоинства; они упорно служили, они выслуживались, но не становились сановитыми. Время их прошло.

Под этим большим светом безучастно молчал большой мир народа; для него ничего не переменилось, — ему было скверно, но не сквернее прежнего, новые удары сыпались не на его избитую спину. Его время не пришло. Между этой крышей и этой основой дети первые приподняли голову, может оттого, что они не подозревали, как это опасно; но, как бы то ни было, этими детьми ошеломленная Россия начала приходить в себя»²⁰.

Отмечая определенное сходство в умонастроениях своего круга и круга Н.В. Станкевича, Герцен, тем не менее, проводит границу между философской созерцательностью юных последователей Шеллинга, Фихте и Гегеля и более радикально настроенной молодежи, которая образцом для подражания выбрала дело, начатое декабристами: «В тридцатых годах убеждения наши были слишком юны, слишком страстны и горячи, чтоб не быть исключительными. Мы могли холодно уважать круг Станкевича, но сблизиться не могли. Они чертили философские системы, занимались анализом себя и успокаивались в роскошном пантеизме, из которого не исключалось христианство. Мы мечтали о том, как начать в России новый союз по образцу декабристов, и самую науку считали средством. Правительство постаралось закрепить нас в революционных тенденциях наших»²¹.

После того как правительство «разобралось» со студентами-смутьянами, превратив их в политических заключенных и ссыльных, пути русской молодежи стали расходиться. Размежевание отныне пошло по линии исторического самоопределения России, цивилизационного выбора путей ее развития в духе прославянского самобытничества Руси/России, с одной стороны, и универсализма западноевропейской культуры как основы русской цивилизации — с другой.

Герцен пишет:

«В 1834 году был сослан весь кружок Сунгурова — и исчез. В 1835 году сослали нас; через пять лет мы возвратились, закаленные ис-

пытанным. Юношеские мечты сделались невозвратным решением совершеннолетних. Это было самое блестящее время Станкевича круга. Его самого я уже не застал, — он был в Германии; но именно тогда статьи Белинского начинали обращать на себя внимание всех.

Возвратившись, мы помирились. Бой был неровен с обеих сторон; почва, оружие и язык — все было розное. После бесплодных прений мы увидели, что пришел наш черед серьезно заняться наукой, и сами принялись за Гегеля и немецкую философию. Когда мы довольно усвоили ее себе, оказалось, что между нами и кругом Станкевича опоры нет.

Круг Станкевича должен был неминуемо распуститься. Он свое сделал — и сделал самым блестящим образом; влияние его на всю литературу и на академическое преподавание было огромно, — стоит назвать Белинского и Грановского; в нем сложился Кольцов, к нему принадлежали Боткин, Катков и проч. Но замкнутым кругом он оставаться не мог, не перейдя в немецкий доктринаризм, — живые люди из русских к нему не способны.

Возле Станкевича круга, сверх нас, был еще другой круг, сложившийся во время нашей ссылки, и был с ними в такой же чересполосице, как и мы; его-то впоследствии называли славянофилами. Славяне, приближаясь с противоположной стороны к тем же жизненным вопросам, которые занимали нас, были гораздо больше их ринуты в живое дело и в настоящую борьбу.

Между ними и нами, естественно, должно былоделиться общество Станкевича. Аксаковы, Самарин примкнули к славянам, то есть к Хомякову и Киреевским. Белинский, Бакунин — к нам. Ближайший друг Станкевича, наиболее родной ему всем существом своим, Грановский, был нашим с самого приезда из Германии.

Если б Станкевич остался жив, кружок его все же бы не устоял. Он сам перешел бы к Хомякову или к нам»²².

Это идейное расхождение некогда близких по воззрениям людей стало осевой развилкой в истории общественной мысли России. Западники возглавили линию русского европеизма, а русскость в ее допетровском изводе стала идентификационным маркером славянофилов-почвенников, которые присвоили себе и патриотическую риторичку. Идейные наследники Станкевича не удержались на высоте его культурно-просветительского универсализма. Российское общество входило в эпоху острых социально-политических противоречий, которые обостряли цивилизационные споры и заставляли интеллектуалов вновь и вновь возвращаться к парадигмальной для русской мысли дилемме — Россия и Европа.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Зеньковский В.В.* История русской философии. В 2 т. Т. 1. – Ленинград: ЭГО, 1991. С. 40.
- ² Там же.
- ³ *Розанов В.В.* Русская государственность и общество. Статьи 1906 – 1907 гг. / под общ. ред. А.Н. Николюкина. – М.: Республика, 2003. С. 57.
- ⁴ Там же. С. 58.
- ⁵ *Грановский Т.Н.* Публичные чтения. Статьи. Письма / сост. А.А. Левандовский, Д.А. Цыганков. – М.: РОССПЭН, 2010. С. 462.
- ⁶ Там же.
- ⁷ Там же. С. 70.
- ⁸ *Тургенев И.С.* Полн. собр. соч. Т. 6. – М., 1963. С. 393.
- ⁹ *Белинский В.Г.* Собр. соч. В 9 т. Т. 9. – М.: Художественная литература, 1982. С. 219.
- ¹⁰ *Зеньковский В.В.* История русской философии. С. 41.
- ¹¹ Переписка Николая Владимировича Станкевича. 1830 – 1840 / редакция и издание Алек. Станкевича. – М.: Товарищество типографии А.И. Мамонтова, 1914. С. 41.
- ¹² Там же. С. 42.
- ¹³ *Аксаков К.* Воспоминание студенства. 1832 – 1835. – СПб., 1911. С. 18.
- ¹⁴ Там же. С. 28.
- ¹⁵ Там же. С. 19.
- ¹⁶ *Зеньковский В.В.* История русской философии. С. 41.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ *Герцен А.И.* Былое и думы. – М.: Захаров, 2003. С. 369 – 370.
- ²¹ Там же. С. 371.
- ²² Там же. С. 371 – 372.

Аннотация

«Кружок Станкевича» – крупное явление русской культуры первой половины XIX в. Кружок связан с развитием важного направления общественной мысли, в котором представлена попытка синтеза ценностей европейского модерна и русской культуры. Настоящая работа посвящена выявлению интеллектуальных предпосылок русского европеизма, у истоков которого находится кружок Станкевича.

Ключевые слова: интеллектуальная история, либерализм, философская культура, русский европеизм, общественная мысль, просвещение.

Summary

«Stankevich's circle» is a large phenomenon of Russian culture of the first half of the 19th century. The circle is associated with the development of an important current of social thought, which presents an attempt to synthesize the values of European modernity and Russian culture. This paper identifies the intellectual backgrounds to Russian Europeanism, at the beginning of which there was a circle of Stankevich.

Keywords: intellectual history, liberalism, philosophical culture, Russian Europeanism, public opinion, enlightenment.